НОЯБРЬ 1928 Г. № 43 ЦЕНА 15 КОП.

Рис. К. Ротова

Организуется вечер, посвященный столетию со дня смерти няни Пушкина — Арины Родионовны.

НАКОНЕЦ-ТО ВСПОМНИЛИ И О ДОМАШНЕЙ РАБОТНИЦЕ!

ЧЕМБЕРЛЕН В ТАРЕ

Фамилия этого человека, собственно говоря, Сипягин. Тоже, конечно, приятная фамилия и рождает много ассоциаций и воспоминаний, но от Сипягина до Чемберлена дистанция, все же, такая, что аршином вымерить нельзя.

И, тем не менее, Сипягина прозвали в Таре Чемберленом, и эта кличка настолько привилась к нему, что так стали звать его, мало по малу, решительно, кажется, все в тихом и сонном этом сибирском городке: извозчики, торговки, милиционеры, беспризорные, почтовые чиновники, газетчики, нищие.

Даже ребятишки, роясь в кучах песка на городской площадке в тополях, кричали ему вслед, прячась друг за друга и ужасаясь и восхищаясь безумной смелостью своих поступков:

— Чемберлен! Чемберлен!

Приехал он в город, назначенный в местную вторую ступень, осенью и, явившись в старшие классы, отрекомендовался, как новый учитель химии. К нему отнеслись со сдержанным любопытством и несколько недоверчиво: всех поразили так невязавшиеся с сановной фамилией, его нелепые брюки.

Они были невообразимы почти так же, как единственные штаны Чарли Чаплина; на концах их болталась неподстриженная бахрома, они складывались в гармоники у башмаков и вздувались совершенно фантастическими пузырями на коленях.

Кроме того, они заключали в себе роковую тенденцию постоянно сползать вниз; второй ступени всегда казалось, что вот-вот они совсем упадут сейчас на землю, до крайних пределов фарса, обнажив тощее сипягинское тело. Это заставляло краснеть взрослых школьниц и возбуждало веселость в их несерьезных шестнадцатилетних соседях.

*

Первые уроки Сипягина, если не считать вызванной этими странностями его штанов некоторой общей напряженности в атмосфере,—прошли вяло, скучно и заурядно.

Он излагал теорию атомов и рисовал менделеевскую таблицу на доске, нисколько не отступая от методов тех очаковских времен, когда его популярный однофамилец ведал судьбами всего народного просвещения в стране. Школьники зевали, томились и с надеждою смотрели на сползающие учительские штаны: авось упадут.

Но на седьмом, кажется, уроке, Сипягин, уклонившись вдруг от прямых химических тем, предпринял неожиданный экскурс в политику.

— Мы только что разобрали с вами закон Лавуазье, — сказал он, подтягивая, как всегда, сползающие штаны: — я подкреплю его общественным примером. Материя не исчезает никогда, но, видоизмененная, она всегда сохраняется. Таким образом, и империалистическая война, об ужасах которой так много почему-то твердят теперь в газетках, фактически никакого вреда или убытка обществу не принесла. Допустим, в тебя выстрелили из пушки, ты умер — и тело твое закопали. Казалось бы, ты бессмысленно погиб. Однако, тело разложилось и дало земле фосфор; на земле посеяли, допустим, хлеб, фосфор его напитал, и поле, удобренное человеческими телами, дало великолепный урожай. Люди не зря пропали, значит; своею смертью они обеспечили питание и жизнь современников и будущих поколений...

С минуту класс хранил недоуменное молчание. Потом с задней парты спросили:

— А дурак, если его закопать, тоже даст фосфор?

— Что это? Неприличный намек? Я оставляю его в стороне.

— Значит, вы оправдываете войну?

— Мне, как химику, ясно, что разговоры о погибших на войне людях есть газетная болтовня; материально они видоизменились, а не погибли.

— Полезное открытие для Чемберлена! — Опять сказали с задней скамьи.

Сипягин неожиданно выпрямился, подтянув штаны, и твердо и поучающе сказал:

— Чемберлен? Что-ж? Этим именем можно гордиться. Глава английского могущества, человек, который ведает судьбами народов, — чем же это плохой идеал для каждого из нас?

Класс растерянно молчал. Сипягин убежденно прибавил:

— Лично я считал бы себя счастливейшим из людей, если бы мог стать Чемберленом!

С тех пор его так и прозвали в школе, и кличка стала широко известна и укрепилась за ним в городе.

Химия отошла на задний план. Уроки Чемберлена проходили теперь исключительно в политических спорах и разговорах.

Он восхищался «свободным строем» европейских государств, критиковал варварские отечественные порядки и читал стихи собственного сочинения: «На заре встает демократ»...

Школьников это забавляло, а в педагогическом совете не находили поводов для вмешательства в пропаганду Чемберлена: убеждение есть частное дело человека...

*

Вскоре Сипягин обнаружил вторую странность: он стал по одиночке вызывать взрослых учениц для зачетов в физический кабинет. Он говорил там, обнаруживая на ряду с идеалами Чемберлена еще и темперамент Отелло:

— Умоляю вас, отвечайте скорее. Спрячьте куда-нибудь ваши глаза. Они сводят меня с ума. Я не ручаюсь за себя. И такая девушка может погибать в комсомоле!

Подруги каждой «такой девушки» толпой собирались обычно, в час зачета, у дверей кабинета, готовые по первому ее зову броситься туда на помощь...

Чемберлен ограничивался, однако, большей частью чистой пропагандой, убеждая школьниц, что грешно с такими глазками, ножками и ручками губить свою молодость в политике.

Фи, комсомол! Вот в европейских государствах женщины знают цену своей красоте...

Приходил он в класс после таких интимных бесед совершенно осовелый, с бессмысленным и мутным взглядом и дрожью в руках, и предлагал, ссылаясь на нездоровье, повторять сегодня, задавая ему вопросы, прошлое.

Тогда начинался спектакль.

— У вас жена есть?

— Есть.

Он обводил класс бессмысленными глазами.

— А кто она?

— Катя.

*

Продержался он в тарской школе, как это ни чудовищно, целый год.

Целый год вел этот человек открытую антисоветскую работу среди детей, целый год систематически разлагал он школу, сея там семена моральной и общественной отравы, — и за весь год никто не удосужился всерьез поинтересоваться его работой, его политическим и педагогическим лицом и фантастическим уровнем знаний в его семинариях: до чего же сонливы, подумаешь, люди в провинции!

Потом случился скандал, и Чемберлена выгнали. Он ушел, сохраняя присущую его идеалам гордость, и с достоинством сказал, последний раз появившись в классе:

— Я могу страдать за убеждения, но не отказываться от них.

Читатель ошибется, если подумает, что его попросили уехать в страну, мировое могущество и демократические устои которой столь любезны его сердцу: ничего подобного.

Его просто перевели из одной советской школы в другую советскую школу, в Казахстан, в Петропавловск.

А. Зорич

МОЛОДОСТЬ ВЕКА

В деревьях шатается осень,
Стала почва сухой и звонкой,
Завтра выпадет первый снег.
На площадку выходит форвард,
Он в трусах и белых буцах,
Он окрашен в два ярких цвета,
Он идет, немного хромая,
Он кокетничает. Он спортсмен.
Начинается матч футбольный.
Побежал полосатый форвард
И поймал, как наяду, в сетку
Голенастого вратаря.

Я стою в досчатом проходе,
Вижу: вертится предо мною
Молодости колесо!

◆

Если слышу я слово «старт»,
Будто кто-то мне шепчет:
«Стар!..»
Не могу сорваться со старта,
Побежать голенастым бегом...
Что бы было!.. Вот было-б смеху!
Я-б упал на десятом метре,
И под смех, под грохот, под топот, —
Как канат, разорвалось бы сердце...

◆

Но я тоже был молодым
Одиннадцать лет назад!

Горд я тем, что юность моя
С революциею совпала...
Нету памяти величавей,
Нет пленительней воспоминания,
Нет удачливее судьбы!

Вспоминают по разному юность,
Вспоминают танцы, допустим,
Выпускные экзамены, скажем,
Батистовый росчерк платья
И, скажем, скамью в саду!

А что же нищему вспомнить?

◆

Какие сады там — к чорту!
Какие — к чорту! — батисты...
Какой там экзамен... Что?
Мы были волшебно нищи,
Оделись в кармин плакатов,
Пошли экзамен держать...

Какая может быть юность
Милее и вдохновенней,
Когда наследств никаких,
Традиций, легенд, преданий,
Когда человеку двадцать,
А новому миру — год!

◆

Вспоминают по разному юность...
Один говорит: «Соловей
Сиял, соловей в саду —
Тогда мне было семнадцать...»
И мы соловья слыхали!
Над седлами он свистел,
Над конскою мордой реял,
Оглох и охрип в походе
Тот «пташечка-соловей»...

◆

Я стою в досчатом проходе,
Вижу: вертится предо мною
Молодости колесо...
Сияй же, молодость века,
Вот этой сменой, вот этим
Форвардом двадцатилетним,
Спокойно, как мяч футбольный,
Хватающим шар земной...

Зубило

СТАРИННЫЙ ОБЫЧАЙ

Рис. В. Козлинского

— Да, не умерли еще старые русские обычаи.
— А именно?
— Уполномоченный наш перед самым от'ездом — сел!

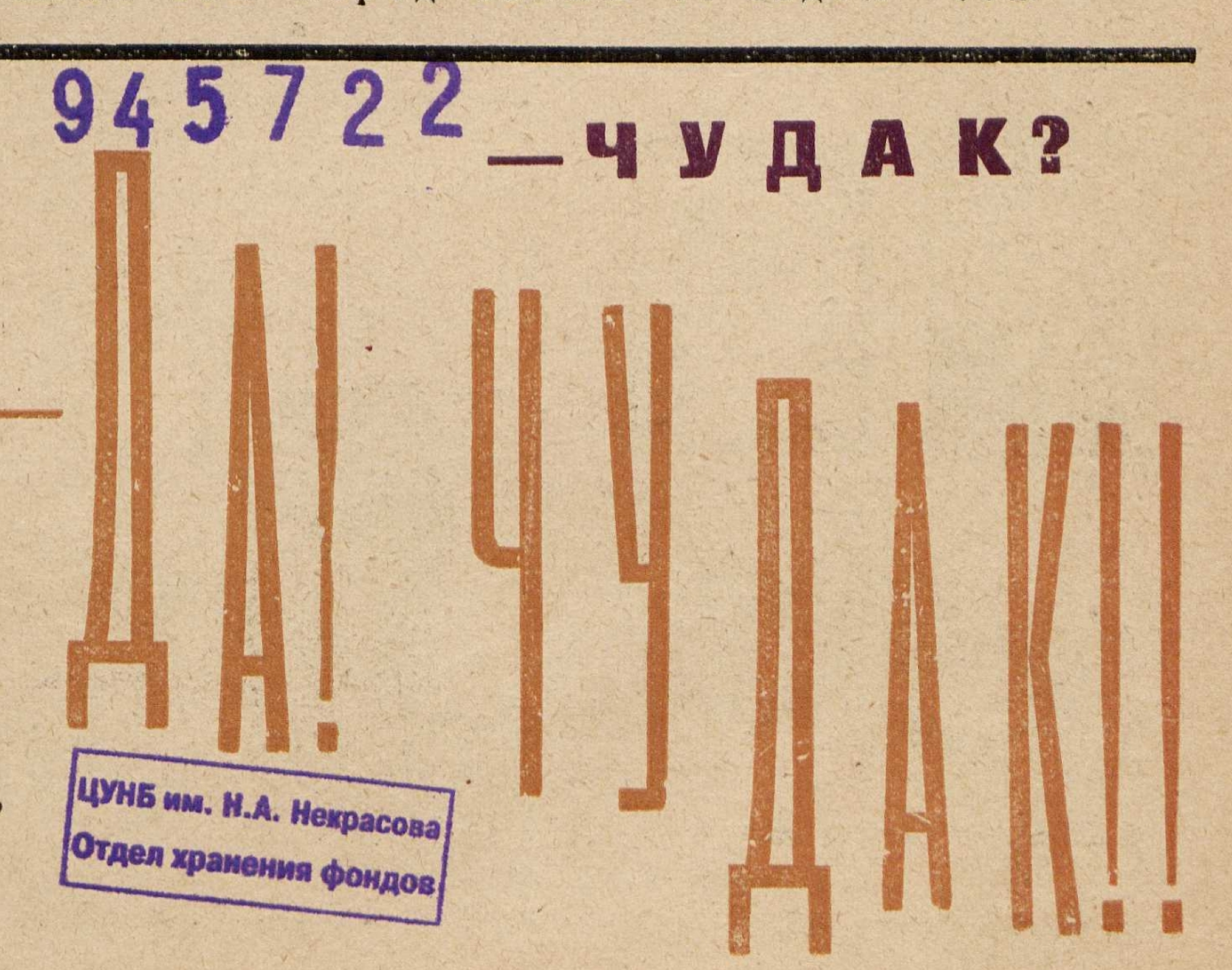

Рис. Кукрыниксы *Текст Скорпиона*

Баллада о Лефе

(К уходу из Лефа Маяковского).

1.

По каменным плитам Софийки,
Ведущей к Рождественке вниз,

Поэт одинокий несется,
Несется стремительно в ГИЗ.

2.

Не видно при нем Третьякова,
Не видно и Брика при нем,

Но Тальников, Жиц и Полонский
И Коган—ему нипочем!

3.

И вот экспедиция ГИЗ'а,
Где Горький с Толстым, осмелев,

Насмешливо смотрят на
«Новый —
За старые месяцы—ЛЕФ».

4.

И глядя на классиков косо
(Опять-де живое мертвят!)—

Соратников громко он кличет—
И лефов, и малых лефят.

5.

Зовет он Кирсанова Сеню,
Опору в превратной судьбе,

Ему обещает пол-Лефа,
И только газеты — себе.

6.

Но, вскормленный Лефом,
Кирсанов
Отдать не желает—о нет!—

За тернии «Нового Лефа»
Построчную плату газет.

7.

И прочие зова не слышат.
На Лефе скопив капитал,

Его разбазарил Леф'идов
И—снова Левидовым стал

8.

Полемикой занят Асеев:
Готовясь к второму письму,

Мурен изучает и раков —
У Красного моря... в Крыму.

9.

Сбежали Катаев и Бабель
В кромешный лирический мрак.

Не слушая Осипа Брика,
Уходит Борис Пастернак

10.

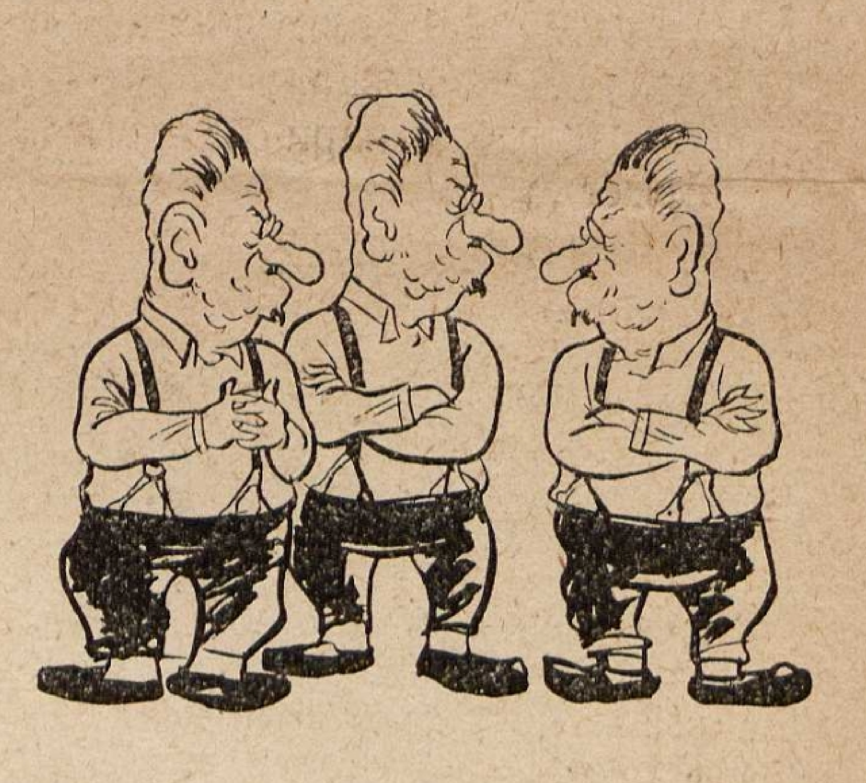
И Шкловский, изменчивый
Шкловский,
Для Леф'а потерян давно:

Толстой ему ближе, чем Кушнер,
А ближе Толстого—кино!

11

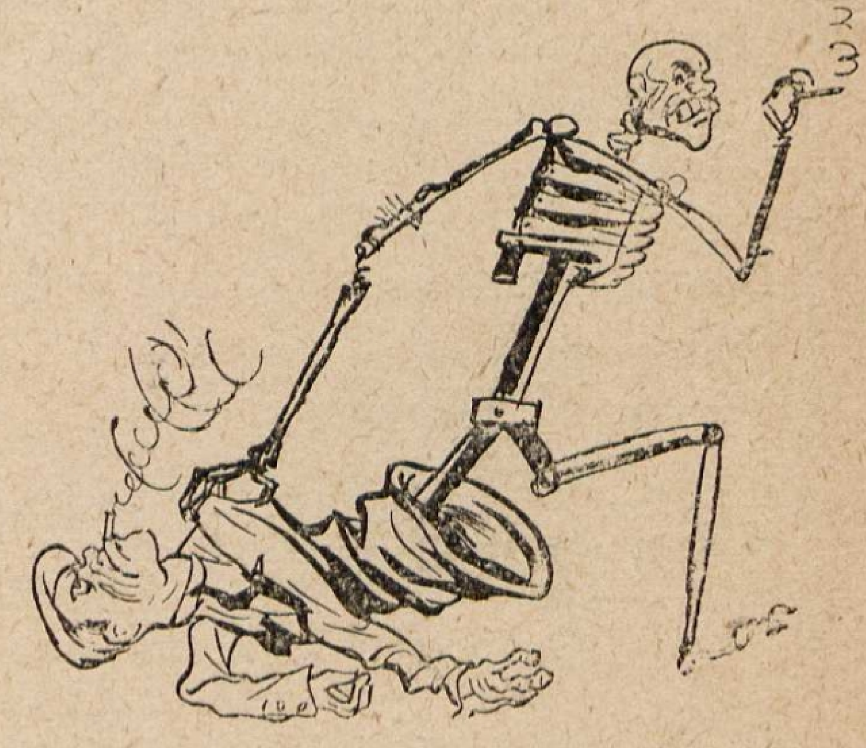
Ну, словом: «ему изменили»...
—«Сколь трудно в минуту тоски

Сыскать своего человека,—
Остались одни Чужаки!»

12.

Мрачнеет тогда Маяковский.
Над черной изменой скорбя,

Он шумно выходит из Леф'а,
Иначе сказать—из себя!

ЖАРА

Вы никогда не мылись по-деревенски в русской печке? Я мылся. Там от жары нечем дышать, и пот обливает ваше тело. Вот такая же жара стояла и в то лето.

Полдень. Праздник. Поезд остановился в Пятигорске, выбросил добрую сотню пассажиров и — дальше, в Кисловодск.

В белом чесучевом пиджаке, белых пикейных брюках, только что приехавший джентельмен, поигрывая кавказской кизиловой тростью с серебряной инкрустацией, вышел на станционную площадку и спросил чистившего сапоги черномордика-мальчишку:

— А где тут бреют?

— Бреют здесь, бреют там, — показал черномордик жестом Фигаро и повелительно постучал щеткой о деревянный ящичек-подставку: — Чистить!

Джентельмен, Павел Петрович Пряников, повиновался.

— А есть еще цирюльник. Тот, правда, берет дешевле всех, только у того надо лежать, лежачих бреет, сидячих не может.

— Это почему?

— А он мертвых покойников привык брить, из деревни он, старый солдат, недавно приехал. А покойники сидеть не могут, всё больше лежат...

— Нет, уж спасибо. Я пока живой, — улыбнулся Павел Петрович, расплатился и пошел в переулок, куда направил его мальчишка.

— Этот цирюльник первый сорт! Другие сегодня не работают — праздник.

Дверь в парикмахерской с блоком. На пороге две подковы. Вывеска:

ПАРИШСКИЙ КЕОФЮР АБРАМЬЯНЦ С МОСКВА.

Павел Петрович поставил в угол трость, сказал:

— Мне бы побриться.

Парикмахер Абрамьянц плешив, высок и тощ. Он до пояса голый, пот покрывал его волосатую грудь и костлявую, из'еденную клопами, спину, мясистый бурокрасный нос свисал, как у индюка, прикрывая большие взнузданные губы, черные бровастые глаза светились хитрецой, общее же выражение крупного лошадиного лица было на этот раз довольно глуповато. Этому, вероятно, способствовала нестерпимая жара.

— Садысь, — сказал он, стараясь смягчить свой охрипший голос и вяло поковыривая в носу.

— Помойте руки.

— Можна. Зачем нельзя? Можна. — Он набрал из ковша в рот воды и стал намыливать грязные кисти рук.

— Давайте, я полью, — с брезгливостью проговорил посетитель.

— Зачем нельзя? Полей. — Абрамьянц попутно освежил грудь, лицо, подмышками. — Жара. Самый жара. Вчерась лед ел, сегодня не ел, охрип.

Он начисто выбрил пациента, получил плату и в изнеможении повалился на диван, отдуваясь и пыхтя.

Павел Петрович купил винограду и от нечего делать поплелся на станцию взять газету. Из Кисловодска подкатил поезд. Павел Петрович вышел на перрон потолкаться в пестрой праздничной толпе. Вдруг из вагона показался другой Павел Петрович, точь в точь такой же, как и этот, в таком же самом костюме: брюки, пиджак, сиреневый галстук, шляпа тарелочкой, даже штиблеты, даже трость. По настоящему, Павлу Петровичу нужно бы броситься в сторону и в страхе закричать. И он, действительно, закричал, действительно, бросился — к брату близнецу.

— Петя!

В публике легкое замешательство: любопытные останавливались, окидывали двойников изумленным взглядом, продирались дальше. Какой-то чернобородый плотник с пилой и топором мотнул головой, сказал:

— Это ахтеры. Друг под дружку замашкеровались. Нечего им делать-то. Нет, их бы на недельку бревна потесать, вот бы...

Меж тем Петр Петрович Пряников, только что прибывший, стоял пред братом, только что обрившимся, как пред зеркалом, и говорил:

— Ишь, чорт... Побрился... А где бы тут...

— А вот... — И Павел Петрович рассказал Петру Петровичу, как добраться к Абрамьянцу. — А я пока выпью кофейку, здесь подожду тебя.

Петр Петрович позвонил у двери парикмахера. В этот миг храпевшему Абрамьянцу залетели в рот сразу две мухи. Он подавился, вскочил и выругался по-кавказски.

— Сичас, сичас... Чего рват звонка... Ишак, — бубнил Абрамьянц, отпирая дверь. — А-а-а, так-так, — протянул он сонно. — Чего забыл?

— Мне бы побриться, — сказал Петр Петрович и поставил трость в угол.

Лицо Абрамьянца вытянулось, он задвигал бровями, туго соображая и приводя себя в чувство.

— Побрытца? — дрогнувшим голосом переспросил он, всматриваясь в заросшие щеки пациента и хватая себя за мясистый нос: сон или не сон? В его животе слегка заурчало. Но вдруг он весь просиял, словно сто целковых в нарды выиграл:

— Ха! Вот жара! — прищелкнул он пальцами и языком. — Часу не прошло. Это от жары волос лезет. Садысь.

Удивляясь своей сообразительности, он весело брил одну, другую щеку, подбородок, и все подмигивал самому себе. Его красный рот растянулся до ушей, да так и застыл в улыбке, от глаз лучами побежали смешливые морщинки, и на голой, трясущейся от затаенного хохота груди, текли ручейки терпкого пота.

Уж вот-то Абрамьянц порасскажет сегодня вечером в духане за чашкой черного кофе по-турецки: вот обрился человек, вот вышел человек на полчаса, вот вернулся, этот самый человек, и говорит: — «Пожалста, брей сначала...». Ха-ха... Ха-ха. И в рассеянности Абрамьянц приготовился намылить гостя в третий раз. Но тот запротестовал.

— Пожалста, — сказал Абрамьянц и встряхнул грязнейшую салфетку.

Петр Петрович порылся в кошельке и протянул Абрамьянцу деньги. Абрамьянц оскорбленно пожал плечами:

— Фэ! — он изломил в локте правую руку, как на ассирийских фресках, и с величавым достоинством отмахивался кистью руки от денег: — Нэт, нэт, нэт... Нэт, нэт, нэт! Втарой раз пожалста нэ берем. Одна раз берем.

Петр Петрович добродушно улыбался. Он не желал разубеждать Абрамьянца в курьезной ошибке, но в то же время считал нужным, ради деликатности, сказать ему что нибудь занятное.

— Да, жара убийственная, — начал он, рассматривая в зеркале свои пухлые щеки. — Некоторые от этой жары с ума сходят. У некоторых раздваивается сознание, двойников видят.

— О!! — поднял Абрамьянц палец и брови: — О!

— Например, мой тесть. Сидит как-то в саду, на скамейке. Глядь — а рядом с ним другой мой тесть сидит... То-есть, не тесть, а он же сам, двойник.

— О! — вновь воскликнул Абрамьянц испуганно и поддернул спадавшие штаны.

В этот миг с улицы вошел Павел Петрович и сказал:

— А я за тобой... Что так долго?

Абрамьянц выпучил глаза, вскинул руки и в ужасе попятился к открытому окну. Вот подошвы его быстро описали в воздухе дугу, и он кувырнулся из окна на улицу. Скованный звериным страхом, он целых два квартала мчался молча, потом взвизгнул и, пугая прохожих, дико заорал:

— Шайтан! Шайтан!!

Так возникают легенды о жаре, чертях и прочем.

Вяч. Шишков

ПОДМЕТИЛ

Рис. А. Р.

— Смотрите, и так места нет, а они в казенном помещении лошадь частника Пржевальского содержат!

РЕДКИЙ ТОВАР

Рис. К. Ротова

Открыты кооперативные бюро похоронных процессий.

— **Возьмите гробик, гражданин. Хороший товар — ни один потребитель еще не жаловался.**

КУРОРТ ДОКТОРА НЕМЕШАЕВА

Здание в шесть этажей в самом центре города имело вывеску:

«Показательный курорт доктора Немешаева».

— Позвольте, — заинтересовался я, — ведь ваш город находится на севере.

— Да, на севере, — ответил любезный руководитель.

— Город грязный, пыльный и душный, моря нет, речка такая, что курица в брод перейдет, и ее нельзя назвать горячим источником...

— Правильно...

— Местность ровная, гор нет, грязь, которая имеется на окраинах, никоим образом не может быть названа лечебной грязью.

— Да. Но все-таки это — курорт и курорт универсальный, — настаивал руководитель. — Он объединяет в себе свойства курортов всех климатов... Благодаря умелому руководству доктора Немешаева, наш курорт может быть назван единственным в мире... Лечение весьма дешевое...

Мы поднялись по лестнице во второй этаж и увидели длинные широкие корридоры, со стеклянными по обеим сторонам дверьми.

Из двери в дверь проходили люди с бумагами и портфелями, стучали пишущие машинки. Люди с бумагами и портфелями носили следы всяческих болезней: истощенные лица неврастенников, неестественно румяные турбекулезники, оплывшие жиром толстяки, ревматики на костылях...

Они переходили из комнаты в комнату, покорно принимая курс лечения этого удивительного универсального курорта.

— Это — больные... А вот этот, — показал руководитель на человека, бодро вбегавшего на лестницу, — выздоровевший. Он уже усвоил курс и теперь доволен. Видите, какое у него лицо?

На лице этого человека, действительно, была написана искренняя неподдельная радость.

— Мы достигаем наибольших успехов в самый короткий срок...

— Но позвольте, — прервал я, — где же ваши... ванны? Где врачи? Сиделки?..

Руководитель усмехнулся.

— Сейчас я проведу вас по корридору и покажу, где что находится...

Вот здесь, — он указал на дверь с вывеской «Заведующий», — здесь вас обдадут холодом, а тут, — он указал на дверь с вывеской «Помощник заведующего», — вас бросит в жар. Этот, — рассказывал он, указывая на вывески, — обольет вас ушатом холодной воды, этот — кипятком обдаст, этот утопит вас в ложке воды... Здесь грязевое лечение — стоит вам только появиться, как вас с грязью смешает заведующий этим отделом — и от вашего ревматизма не останется и следа. Вы побежите отсюда со всех ног, оставив на лестнице ваши костыли.. Для толстых лечение очень простое — главный кабинет тут. Вы зайдете, и вас отсюда отправят на шестой этаж. С шестого — там отделение этого же кабинета — вас отправять сюда и так далее... В неделю прекрасные результаты...

— Позвольте, — догадался я, — да ведь это обыкновенное учреждение очень крупного масштаба...

— Да, да, — оно же показательный курорт... Главное — больной не чувствует, что его лечат. Во всех курортах вы чувствуете это, вас смущают врачи, режим, диэта, — у нас ничего...

— И что же, — заинтересовался я, — доктор Немешаев сам содержит все это учреждение?

Руководитель засмеялся.

— Зачем? Это учреждение самое настоящее, выполняет государственные функции... Доктор Немешаев в качестве директора делает только одно — он не мешает сотрудникам этого учреждения делать то, что они хотят.

— Очень остроумно! — согласился я.

И, немножко подумав, сказал:

— Будьте добры прописать мне маленький курс лечения... Мне нужен отдых — понимаете?

— О, это очень просто! — ответил руководитель. — Мы вас назначим в это учреждение в качестве помощника представителя РКИ. Он у нас ровно ничего не делает, и вы прекрасно отдохнете на этом месте... Плату за лечение будьте добры внести вперед...

Мих. Козырев

ТРЕЗВЫЙ АМЕРИКАНЕЦ

Рис. Н. Денисовского

Предвыборная кампания в Америке обходится кандидатам в президенты с каждым годом все дороже.

— Почему ты ничего не подал этой женщине?
— Какой смысл? Ведь она же не подаст за меня голос на выборах!..

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

В поселке была почта, но ящики почтовые нигде не висели.

— Надо нам хоть одну кружку на площади прибить! — сказал начальник почтового отделения, прочитав московскую газету. — Везде о культуре теперь говорят, а у нас темнота одна. Даже, извольте видеть, ни одного почтового ящика нет.

— Народ носит письма на почту и ладно! — заикнулся письмоносец с сумкой.

— Не публика для нас, а мы для публики.

Через неделю на стене хлебного лабаза прибивали новенький, пахнущий краской и лаком, почтовый ящик.

— Не низко будет? А, Иван Андроныч? — спросил письмоносец, вооруженный молотком и гвоздями.

— Отлично! Метр от земли. Могут и маленькие ребята письма опускать. Может, матери-то некогда будет... Колоти, колоти! Не жалей гвоздей. Ни на день приколачиваешь!

Ящик прикрепили, полюбовались им и пошли на почту.

Утром на другой день письмоносец выложил на стол Ивана Андроновича с пол-кило семячной шелухи.

— Что это?! — воскликнул Иван Андронович.

— А это я сегодня из почтового ящика вынул. Хулиганят эти шкеты-то...

— Да... Действительно! — сказал Иван Андронович. — Вот что... Надо вечером его будет повыше пришпилить.

Вечером подняли ящик еще на полметра от земли. А на утро, вместе с одной открыткой, письмоносец достал из ящика сотню окурков.

— Растет хулиганство! — возмутился Иван Андронович. — Это уже не семячниковые шкеты, а курящие подростки! Ах, негодяи, негодяи!

Он задумался, потом решительно приказал:

— Еще выше пришлепайте его. Только взрослым чтоб доставать.

— Растет хулиганство-то! — сказал утром письмоносец. — На два метра вчерась его подняли и глядите, что двухметровые-то хулиганы наделали...

— Опять окурки?..

— Еще крепче! Видать, плеснули в ящик водкой или спиртом, а потом спичку туда же торкнули!.. Всюю корреспонденцию пожгли, только уголки остались.

И он показал на ладони пожелтевшие остатки конвертов и открыток.

— Алё! — звонил Иван Андронович в милицию. — Товарищ Барбасов? Безобразие! У вас растет хулиганство! Уже на два метра выросло... Нельзя-ж приделывать ящик, чтоб с лесенкой в него письма отпускать. Так трудно бороться за культурные навыки! Помогите хоть вы!

— Хорошо! — рокотало в трубке. — Мы культуру всегда поддерживаем! Нынче пивную одну закрыли, так оттуда пост милиционера к вашему ящику установим...

Теперь у почтового ящика тихо и спокойно. Невдалеке маячит силуэт милиционера.

В. Тоболяков

Рис. Гина

ИЗ ДНЕВНИКА КЛИМА УНЫВАЛОВА

Даже и безбожнику разрешается вышивать крестиками.

○ У одного автора спросили:

— С естественным или искусственным пафосом вы пишете свои произведения?

Он ответил:

— С главискусственным!

○ Будь смелее: каждый сам себе предыдущий оратор!

○ Яблоко от яблони недалеко падает, а человек от пивной еще ближе.

○ Лучше бельмо на глазу считать недостатком, чем бородавку—достижением.

○ От всякого несчастья можно застраховаться, только от глупости нельзя.

○ Температура у больного напоминает жилкооперативную постройку: все ждут, когда она упадет.

○ В книге главное—не содержание, а цитаты.

○ Написав комедию, не переживай драмы. Помни, что трагедия с постановкой—еще впереди.

○ Многим нельзя совать пальцев в рот. Особенно на просмотре: сейчас-же засвистят.

○ Подхалим подобен бумерангу—возвращается на то же место, откуда вылетел.

○ Отец говорил мне: «Клим, не соблазняйся классическим профилем—все классическое подлежит переделке!».

○ Борясь с хищниками империализма, не забывай по утрам умываться: и то, и другое полезно.

○ Из всех головных уборов самый неудобный — Стальной Шлем. И самому тяжело, и другие жалуются.

С КОРАБЛЯ НА БАЛ

(К возвращению В. Э. Мейерхольда)

Виши пленителен курортной кутерьмой,
Париж блистателен (хотя и не без пятен),
«Когда-ж постранствуешь, воротишься домой—
И «ТИМ») отечества нам сладок и приятен!»*

К.

*) ТИМ — театр имени Мейерхольда.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Кажется, Владимиру Хенкину принадлежит знаменитый «афоризм»:

«Не сморкайтесь в занавеску: это не салфетка!»

Аналогичный совет дает своим читателям А. Татарова в одном из последних номеров «Красной Нивы»:

... следует спешно крепко-накрепко закрыть носовым платком, или, если его нет,—подолом юбки, нос...

Хорошо, если читатель—читательница, а если читатель—читатель?

Устаревший хенкинский афоризм пора освежить:

«Не сморкайтесь в занавеску: это не салфетка и не подол юбки!»

★

Студент академии, А. Скороходов, пишет в «Комсомольской Правде» (№ 239):

Кузьма Прутков сказал: «Если видишь в клетке попугая с надписью «Тигр»—не верь глазам своим». А что вы думаете? И не верят...

Не поверят, во всяком случае, те, которые знают, что Кузьма Прутков так не говорил.

Если же тебе скажут, что студент академии неправильно цитирует Кузьму Пруткова, — верь ушам своим!

★

Не только студент Скороходов любит щегольнуть цитатой из классиков.

Фельетонист газеты «Советская Степь» (№ 169) Вега тоже может «цитатнуть»:

Это еще Пушкин говаривал, что даже «дым отечества нам сладок и приятен».

Не «говаривал» Пушкин про дым отечества, — «говаривал» это Грибоедов в комедии «Горе уму».

Горе уму, классически перевирающему классиков!..

П Е Ш Е Х О Д

Наша жизнь в последнее время как-то обеднела сильными, незабываемыми минутами. Живешь по большей части в маленьком городке. Вместе с тобой живут еще 412 трудящихся. 300 из них женаты, остальные неохотно волочатся за девушками и вдовами, число которых доходит до полутораста. Есть еще 19 торговцев и одна особа с порочными наклонностями, девица только по паспорту. Всех знаешь в лицо.

Служба тоже не доставляет радости. Так все надоели, что стол личного состава, которым заведуешь, невольно превращается в стол каких-то личных счетов. Все это очень скучно.

Неудивительно поэтому, что нашу общественность начинают волновать проблемы. Пресыщенная столица наседает на половые задачи, но провинция этим не интересуется. Ей хочется переменить обстановку, побегать по земному шару. Каждому хочется стать пешеходом.

Однако, искусство хождения пешком очень трудно.

Неопытный пешеход взваливает за спину зеленый дорожный мешок и покидает родной город на рассвете. Уже в самом начале он совершает роковую ошибку— действительно, идет пешком, любопытно глядя по сторонам и наивно перебирая ножками.

Назад он возвращается через несколько дней, не достигнув мандариновых рощ Аджарии, к которым так стремился. Он хромает, потому что ногу ему повредила встречная собака. Он бледен, потому что повстречался на дороге с лохматым гражданином, который в молчании отнял у него дорожный мешок, сандалии и рубашку «фантази»...

Опытный пешеход чужд этим детским забавам. У него нет дорожного мешка, и он вовсе не считает лето лучшим сезоном для туризма. Двухнедельный или месячный срок для пешеходной прогулки он считает мизерным и нестоящим внимания. Он разом опрокидывает все мещанские представления о путешествиях с целью самообразования.

Пешком он ходит только в подготовительном периоде, пока не получит мандата от какого-нибудь совета физкультуры. Обыкновенно мандат напечатан на пишущей машинке с давно выбывшей из строя буквой «е», но это единственный из'ян, во всем остальном мандат великолепен и читается так:

УДОСТОВЭРЭНИЭ.

Дано снэ в том, что т. Василий Плотский вышэл в сэмилэтнээ путэшэствиэ по СССР с цэлью изучэния быта народностэй. Тов. Плотский пройдэт пэшком сорок двэ тысячи километров со знамэнэм Н-го Совэта физкультуры в правой рукэ.

Просьба ко всэм учрэждэниям и организациям окагывать тов. Плотскому всячэское содэйствиэ.

Прэдсэдатэль Совэта — В. БОГОРЭЗ.

Сэкрэтарь — А. ПУЗЫНЯ.

Ослепленный будущими тысячекилометровыми переходами товарища Плотского, совет выдает ему также десятку на постройку знамени.

Этой скромной суммой пешеход вполне удовлетворяется. Он знает, что сразу рвать нельзя. К тому же десяти рублей хватит на проезд в скором поезде к ближайшему крупному центру.

Отныне пешеход Василий Плотский пешком уже не ходит. Пользуясь услугами железнодорожного транспорта, он перебирается в губернский город и посещает редакцию тамошней газеты, предварительно испачкав свои сапоги грязью.

В редакцию он входит, держа в правой руке знамя, сооруженное из древка метлы, и лозунг, похищенный еще из домоуправления в родном городе.

Удостоверение, написанное с турецким акцентом, оказывает магическое влияние даже на осторожных журналистов. На другой день фотографический портрет товарища Плотского и соответствующая подпись под ним украшают отдел «Новости физкультуры» на последней странице газеты.

Теперь для пешехода открыто все. Перед семилетним удостоверением и газетным интервью с портретом никто устоять не может.

Можно, конечно, таскать с собой еще связку лаптей, якобы предназначенных в подарок всесоюзному старосте Михаилу Ивановичу, но можно обойтись и без этого.

И без лаптей на Василия Плотского посыплются блага земные.

Знаменитому пешеходу бесплатно отводится номер в гостинице, ему суют обеденные талоны, он получает денежные пособия для того, чтобы мог беспрепятственно выполнить свой великий пешеходный подвиг.

Через два месяца ему показывают музеи и достопримечательности, а еще через месяц, когда Плотский проезжает какой-нибудь маленький городок (412 трудящихся. 175 вдов и девушек, 30 частников и две особы с порочными наклонностями) на старинном, высоком, как кафедра, исполкомовском автомобиле, — все глядят на него с почтением и шепчут:

— Это пешеход! Пешеход едет!

И если кто-нибудь удивленно спрашивает, почему пешеход катит в автомобиле, что как-то не соответствует его званию, все презрительно отворачиваются от болвана и на всех лицах появляется одно выражение:

— Где-ж это видно, чтоб настоящие пешеходы ходили пешком! Пешком ходят только любители, диллетанты, профаны!..

И. Ильф

В КИНО

Рис. Н. Денисовского

— Уберите ноги со спинки! Вы — не на «Гарри Пиля» пришли, а на культфильму!

ТО, ДА НЕ ТО

— Подал это я, значит, заявление в учреждение...

— Ну, а там, конечно, пошла писать губерния!

— Брось, это раньше так случиться могло. Теперь у нас районирование произошло. Так что пошла писать вся область!

ГЛУБОКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

— Товарищи! Когда же, наконец, вы почините мостовую?

— О! Этот вопрос надо еще углубить!

— Еще углубить? Да, ведь, и так уже в ней ямы на каждом шагу!

БЛАГОДЕТЕЛЬ

Рис. А. Радакова

Лодзинская забастовка сорвана благодаря предательству ППС.

ПЕПЕЭСОВЕЦ: — Да, но ведь мы сорвали забастовку из чисто-человеческих побуждений — не могли же мы допустить, чтобы бедные текстильщики так долго оставались без работы!

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

ТАЙНА ГЕОГРАФИИ

«Приволжская Правда», сообщая о том, что найден бак самолета «Латам», дает такой заголовок крупным шрифтом:

ТАЙНА СОВЕТСКОГО ПОЛЮСА

Спасибо «Приволжской Правде»! Теперь, по крайней мере, будем знать, что кроме Северного полюса и Южного, есть еще «Советский».

Очень интересуемся и просим срочно сообщить, не найдется ли у вас же в редакции еще хоть одного «Советского экватора» и парочки «Советских тропиков»?

ПЕРЕСТАРАЛСЯ!

В «Красном уголке» крюковских главных вагонных мастерских южных дорог вывешена выписка из протокола комиссии по распространению второго займа индустриализации:

Не записавшихся вовсе или записавшихся на незначительную сумму рассматривать, как чуждый элемент в нашем советском строительстве.

Председатель И. Харченко.

Пока приходится рассматривать, как чуждый элемент, одного И. Харченко, — был бы ближе к советскому строительству, то знал бы, что подписка на 2-й заем индустриализации—добровольная.

РУКИ ЧЕШУТСЯ

Выписка из протокола № 26 заседания секретариата Вел.-Устюгского горсовета:

СЛУШАЛИ: О вставке стекол в школах и лечебных заведениях, разбитых по вине служащих, учащихся, больных и посетителей.

ПОСТАНОВИЛИ: Предложить губздраву и губоно немедленно распорядиться о том, чтобы администрация школ и лечебных заведений, состоящих на госбюджете, в будущем не допускала за счет отпущенных из местного бюджета средств вставки стекол, разбитых по вине служащих или учащихся, больных и посетителей.

Бедные больные, служащие, учащиеся Великого Устюга, кого они теперь будут бить? Возможно, что свое же собственное невежество?

— Хорошо бы!

ПРОСТОЙ ВЫХОД

Газета «Терек» описывает опыты, производимые над больными, врача-стажера в санатории НКЗ (Ессентуки):

Опустил этот врач одному больному зонд для исследования желудочного сока. Желудочный сок не появился. Врач и так, и этак — результатов никаких. Оказалось, зонд не действовал потому, что не был промыт после употребления у другого больного.

В следующий раз этот врач будет умнее — и за соком в желудок больному полезет не зондом, а черпаком, — и зачерпнуть можно больше и мыть не надо.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЛЮБВИ

Рис. Гина

— Предлагаю вам руку и сердце.
— А в каком учреждении у вас рука?

ДРЕБЕЗГИ

ЕДУ, ЕДУ, НЕ СВИЩУ.

КИПУЧАЯ деятельность Лиги Наций дает ощутительные результаты:

1

В ближайшее время в Нанкин выезжает заместитель генерального секретаря Лиги Наций Авеноль. Поездка имеет целью сгладить недовольство нанкинского правительства недопущением представителей Китая в Совет Лиги.

Эволюция на лицо. Если раньше посылались в Китай боевые единицы, то теперь посылаются политические нули.

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

В ПАРИЖЕ состоится отбор «Гимна мира» по конкурсу. Почетный председатель жюри—Бриан.

Нам сообщают, что лучшим гимном будет об'явлен тот, который одновременно может быть использован и как кавалерийский марш, на случай об'явления войны.

УТОЧНИЛИ

КАТОЛИЧЕСКАЯ церковь в Польше исключила из формулы, произносимой невестой при венчании, слова «супружеское послушание».

Повидимому, это произошло под влиянием польских социалистов, которые недавно заявили, что слушаться надо только одного Пилсудского.

ФАШИСТСКИЙ УРОЖАЙ

В РИМЕ на этих днях была торжественно присуждена денежная премия за лучший урожай в стране — Муссолини, как земледельцу.

— Почему это у вас такой хороший урожай? — спросили его журналисты.

— Надо сажать умело — подмигнул им Муссолини.

КАК МЕНЯЕТСЯ ЯЗЫК

В ЛОДЗИ, в первые дни забастовки, пепеэсовцы становились на углах и убеждали рабочих расходиться.

Лет двадцать тому назад, на лодзинских углах, тоже стояли симпатичные мужчины и тоже кричали рабочим: — Разойдись!..

Тогда они назывались «городовые» теперь—«пепеэсовцы».

Издатель — «ОГОНЕК». Отв. редактор — МИХ. КОЛЬЦОВ.

Главлит № А24439. МОСКВА. Тираж 100.000.
Тип. «Гудок», ул. Станкевича, 7. Заказ № 2363.

КЛАССИКИ ДО-АВТОДОРОВСКОГО ПЕРИОДА

Рис. К. Ротова

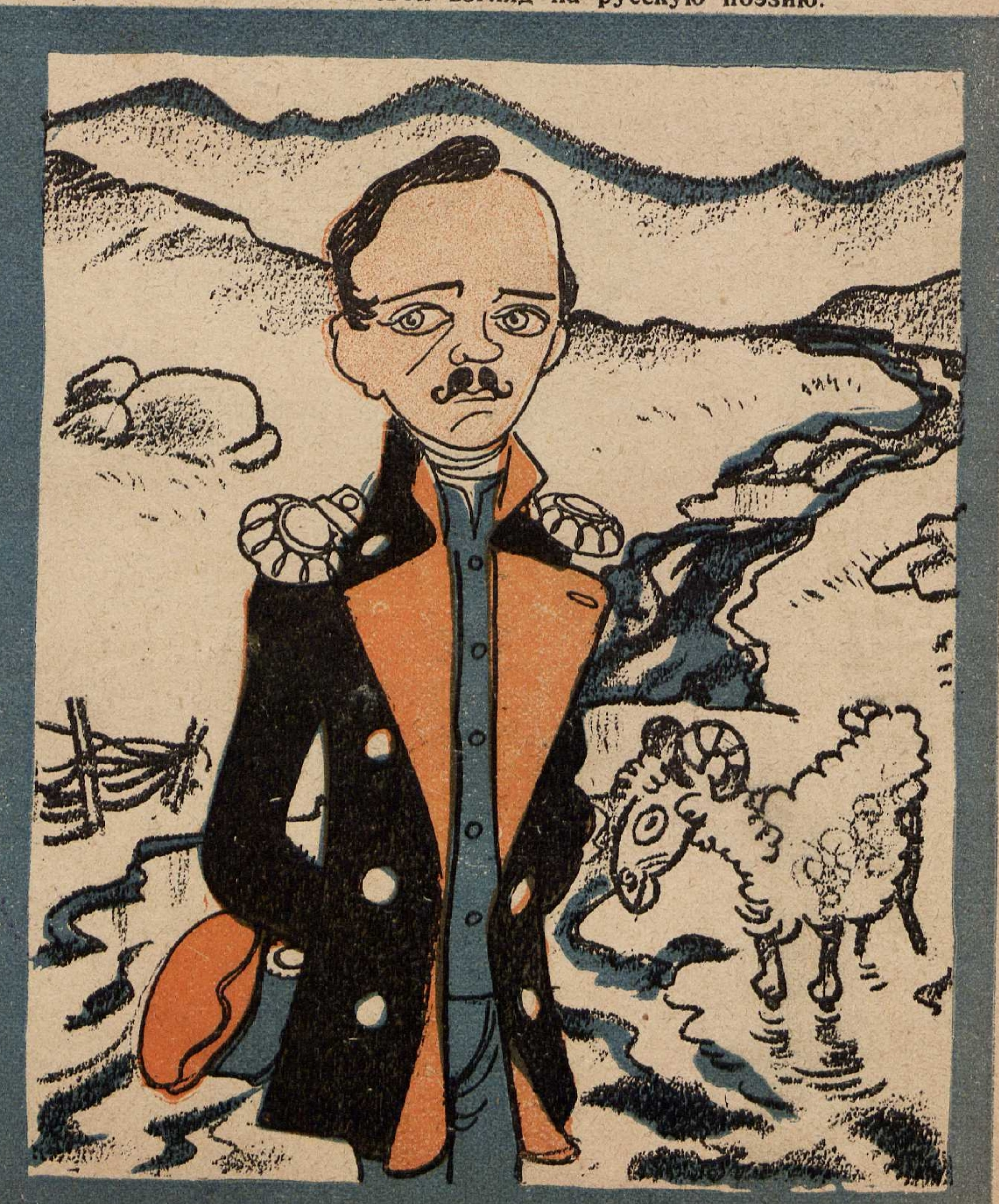
Тов. Лежава на с'езде Автодора сказал: «Одного до сих пор не хватает Автодору, — у нас нет поэзии, которая воспела бы дороги». Мы надеемся, что, прочитав извлечения из некоторых классиков, т. Лежава изменит свой взгляд на русскую поэзию.

«По дороге зимней скучной...».

А. Пушкин

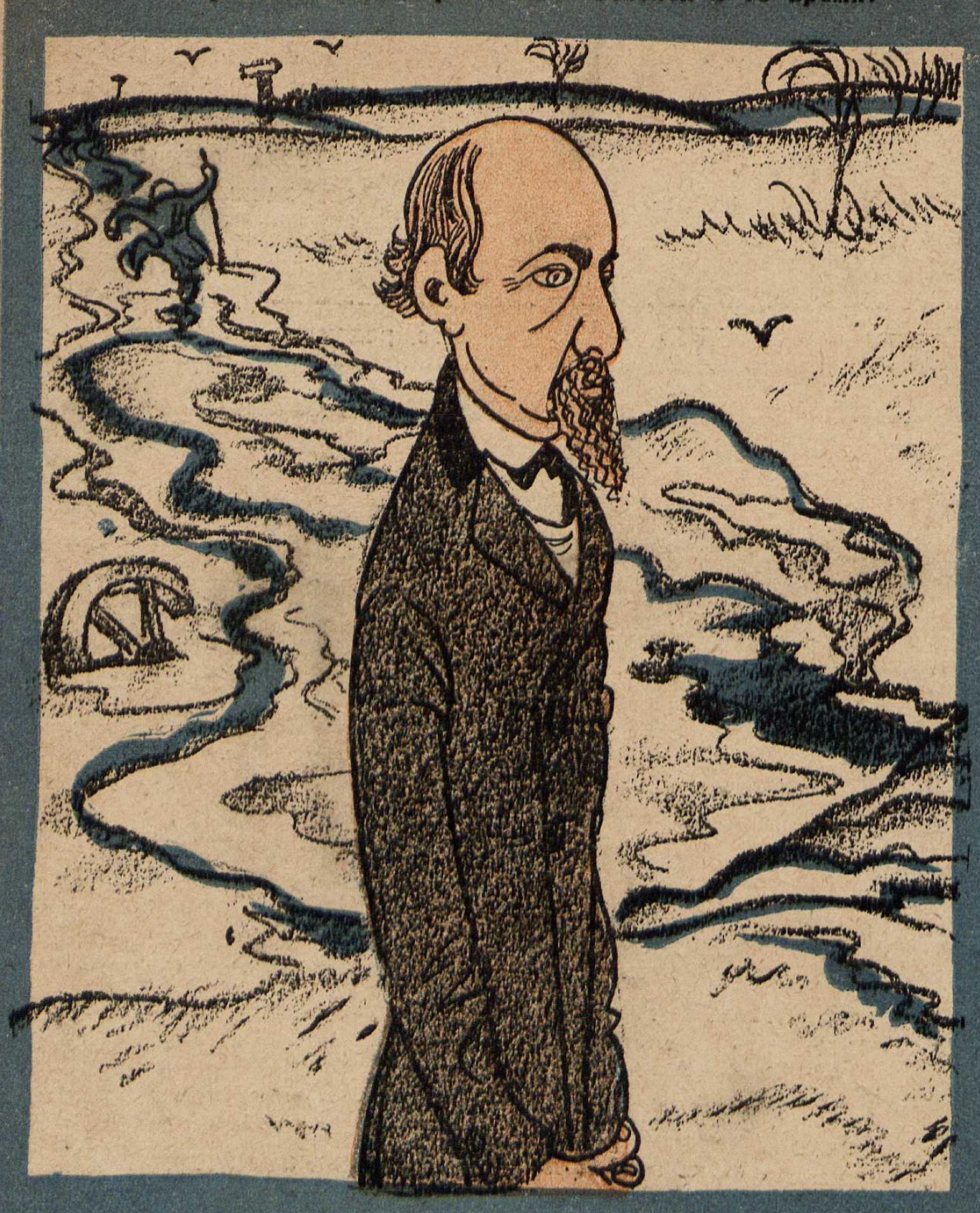
А разве летние дороги были веселей в то время?

«Выхожу один я на дорогу...».

М. Лермонтов

А если бы в те времена на дорогу выходили коллективно, — у нас давно были бы хорошие шоссе.

«Что так жадно глядишь на дорогу...».

Н. Некрасов

И нечего было жадничать: подумаешь, — рытвины, выбоины, ухабы...

«Но, увы, нет дорог к невозвратному...».

Кольцов

Вот это — правильно!